

- Babkes M.L., Weiss M.R.* Parental influence on children's cognitive and affective responses to competitive soccer participation // *Pediatric Exercise Science*. 1999. Vol. 11. P. 44–62.
- Bergmann D.* The logical connection between moral education and physical education // *Journal of Curriculum Studies*. 2000. Vol. 32. № 4. P. 561–573.
- Binder D.* Teaching Olympism in schools: Olympic education as a focus on values education: university lectures on the Olympics, 2005. Цит. по: [http://olympicstudies.uab.es/lectures/web/pdf.binder.pdf].
- Bronilowski M.* Achievements in teaching Olympism in Polish schools // *Research Yearbook*. 2006. Vol. 12. № 2. P. 184–189.
- Coakley J.* The good father: parental expectations and youth sports // *Leisure Studies*. 2006. Vol. 25. P. 153–163.
- Cote J.* The influence of the family in the development of talent in sport // *The Sport Psychologist*. 1999. Vol. 13. P. 395–417.
- Harrison P.A., Narayan G.* Differences in behavior, psychological factors, and environmental factors associated with participation in school sports and other activities in adolescence // *Journal of School Health*. 2003. Vol. 73. № 3. P. 113–120.
- Michaud P.A., Jeannin A., Suris J.C.* Correlates of extracurricular sport participation among Swiss adolescents // *Eur J Pediatr*. 2006. Vol. 165. P. 546–555.
- Miskinis K.* Moksleivių olimpinis svietimas ir kultūra. Olimpinis svietimas ir kultūra. Mokslines konferencijos medžiaga. Vilnius, 2003. P. 31–36.
- Olympic Charter. In force as from 11 February 2010. International Olympic Committee: Lausanne, Switzerland, 2010. P.104.
- Parry J.* Sport and Olympism: universals and multiculturalism // *Journal of the Philosophy of Sport*. 2006. Vol. 33. P.188–204.
- Pawlucki A.* Olympic education as an intergenerational relation of the third degree // *Research Yearbook*. 2006. Vol. 12. № 2. P. 280–286.
- Telama R., Naul R., Nupponen H., Voulle P.* Physical Fitness, Sporting Lifestyle and Olympic Ideals: Cross-Cultural Studies on Youth Sport in Europe. Verlag Hofmann: ICSSPE Sport science studies. 2002.11.
- Vasiliauskas R.* Vertybių integravimas i ugdymo procesa mokykloje // *Pedagogika*. 2004. 74. P. 69–72.
- Żukowska Z., Żukowski R.* Fair play as a moral value in the Olympic education // *Pol J Sport Tourism*. 2010. Vol. 17. P. 139–146.

© 2012 г.

А.Н. ТЕСЛЕНКО

КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ТЕСЛЕНКО Александр Николаевич – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор кафедры социально-психологических дисциплин Казахского гуманитарно-юридического университета (E-mail: teslan@rambler.ru).

Аннотация. Автор рассматривает теорию и практику культурной социализации на примере казахстанской молодежи. Отмечается, что в условиях модернизации происходит трансформация ценностных установок и возрастает культурная дистанция между этносами. Зафиксированы противоречия между социокультурными полюсами европоцентризма и пантюркизма. Через социокультурную оппозицию “город–аул” выделена традиционная, мобилизационная и модернизационная модели социализации молодого поколения; обнаружена культурная дилемма “Восток–Запад” в сознании молодежи.

Ключевые слова: молодежь • Казахстан • жизненные стратегии • культурные модели • ценности • социализация

Известный лозунг “Молодежь – наше будущее!” имеет не только идеологическое значение, но и познавательную функцию, выводя нас на уровень реляционной концепции, согласно которой время понимается как смена качественных состояний изменяющегося объекта.

Как особый социальный феномен молодежь имеет характеристики прежде всего возрастные. В Казахстане в качестве границ молодежного возраста принят интервал от 13 до 30 лет. Возраст в данном случае – не только демографическая категория, но и социологическая, характеризующая роли и функции, которые выполняют молодые люди на определенном этапе социализации. Однако статистико-демографическая возрастная дифференциация зачастую не соотносится с темпами освоения соответствующих ролевых функций, достижения определенного социального статуса.

Характеристике молодежи как особой социально-демографической группы, особенностям ее социализации посвящено много исследований, фиксирующих устойчивость определенных особенностей и закономерностей данного процесса, но до сих пор отсутствует *общее видение молодежного социокультурного пространства*. В рамках социологии молодежи сформировались два основных направления: психоаналитическое и культурологическое. Однако, на наш взгляд, продуктивнее выявление разнообразных подходов к определению понятия “молодежь”: психофизиологический, ролевой, субкультурный, конфликтологический, социально-психологический, стратификационный, интеракционистский, социализационный и процессуальный.

Знакомство со всем спектром подходов и сопоставление их показывают, что ни одно определение молодежи не является исчерпывающим, но фиксирует специфику одной из сторон социализации, значимые черты поколения. Через них можно выделить основные компоненты *интегративного* определения феномена “молодежь”: 1) возрастные границы и социально-психологические особенности; 2) специфика социального статуса, ролевых функций социального и культурного поведения; 3) специфика социально-демографической группы; 4) процесс социализации как единство социальной адаптации и индивидуализации; 5) самоопределение, самоорганизация, самоидентификация молодежи как специфической группы.

Каждое новое поколение, входя в общественную жизнь, наследует уже достигнутый уровень развития общества и сложившийся образ жизни. Социализирующее значение для молодежи имеют как материальные, так и духовные процессы, формирующие социальное пространство и время, в котором, обретая определенные социальные характеристики, она интегрируется в общество. Культурные модели социализации могут быть различными, завися от условий, целей, возможностей, характеристик социума. Так, традиционное общество кочевников, в том числе и казахов, не возводило непреодолимых границ между взрослыми и молодежью, позволяя последним свободно примерять различные социальные роли, поощряя их участие в выполнении актуальной работы наравне со взрослыми. Поэтому разрыв между детством и зрелостью был невелик, молодежь лучше усваивала будущие роли (казахская пословица: “до 5 лет почитай как собственного ребенка, с 5 лет до 15 лет эксплуатируй как раба, с 15 лет уважай как сверстника”). Традиционный институт большой семьи в Центральной Азии являлся (и является) важнейшим в материальном плане (все вносят свой вклад в ее доходы) и в процессе социализации [Шаханова, 1988]. Религиозная регламентация поведения делает упор на почитании старших, объединении в семье представителей всех возрастов и стабильной системе ценностей: *аскетический идеал* связан с отказом от собственных интересов; бесконфликтный характер социализации обеспечен *патернацентристскими принципами* (господство мужчин, старшего поколения и старших по возрасту членов семьи (например, старшего брата)).

В силу ряда причин уникальная кочевая цивилизация в кратчайшие сроки прошла процесс аккультурации, но ее форсированный, часто принудительный характер обусловил спешное, поверхностное освоение казахами специфических навыков аграрной и урбанистической промышленной цивилизации. Быстрая социальная интег-

рация и аккультурация казахов происходили под доминирующим влиянием культуры-донора – *русской культуры*.

Другая важная особенность культурной социализации казахов – сложная и широко разветвленная родоплеменная структура жузов¹. Современный Казахстан как мультинациональное и многоклановое образование не имеет единого культурного поля, в котором представители разных национальностей и социальных групп имели бы общие ценности и ориентиры и осознавали бы себя единым народом. Традиции кланового мышления и межкультурные противоречия и сегодня разрывают Казахстан на социокультурные полюса: *европоцентризма и пантюркизма* [Амрекулов, Масанов, 1994: 89].

Европоцентристский полюс культурного развития ориентируется на ценности индустриально-урбанистической цивилизации. Здесь все естественные отношения, которые подчиняли и интегрировали молодого человека в локальную общность с ее тесной личностной (натуральной или родственной) зависимостью, распадаются, и связи индивида и общества приобретают опосредованный деньгами отчужденно-анонимный рыночный характер. Это позволяет отдельному индивиду автономизироваться, быть прямо или опосредованно независимым субъектом социализации.

Полюс пан-тюркизма основывается на традициях аграрно-кочевой цивилизации и господстве патриархального родоплеменного (жузового) патерналистского менталитета аульной среды, со свойственными ей трайбализмом², жузовыми междоусобицами, родовым чванством, регионализмом. Процессы социальной интеграции и аккультурации так и не сформировали у выходцев из аула прочных навыков культуры труда, профессиональной компетенции, уважения к высокотехнологичному труду, не выработали личностное индивидуальное начало.

С учетом особенностей исторического и цивилизационно-культурного развития населения Казахстана можно типологизировать модели социализации (*традиционная, модернистская, мобилизационная*), параметры которых обусловлены межкультурными противоречиями между социокультурными полюсами общества и определяются соотношением возможностей согласования и удовлетворения базовых, социальных и духовных потребностей молодежи по отношению к цивилизационно-исторической вертикали или оппозиции “аул – город” [Тесленко, 2007].

Традиционная модель социализации присуща многочисленной части аульной молодежи и городских мигрантов первого и второго поколения, т.н. нагыз-казахов (хранящих традиции предков, казахоязычных). Ментально они навсегда остаются в культурно-языковой оппозиции русскоязычной городской культуре; их культурный код описывается понятиями жузового трайбализма, землячества, ксенофобии, чинопочитания, лояльности к культу силы и авторитаризма.

Мобилизационная модель социализации характерна для русскоязычной молодежи из сельской местности и некоторой части казахской молодежи, находящейся на стыке двух культур (около 40%) – казахской и русско-европейской, между аульной и городской культурой. Ведущий тип развития (общества и соответствующей ему социализации) – личностное развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и организационных форм. Отличительная его черта заключается во влиянии внешних экстремальных факторов, прежде всего неравных стартовых условий социализации по сравнению с урбанизированной молодежью. Эта молодежь характеризуется этнокультурным и языковым дуализмом, его двумя главными детерминантами – сельское происхождение (этнокультурный компонент) и русское образование (цивилизационный компонент).

---

¹ Жуз (каз. жүз — “союз”, из-за омонимии часто неправильно переводят “сотня”) – исторически сложившееся объединение казахов. Всего образовалось 3 жуза: Старший, Средний и Младший.

² Трайбализм, или трибализм (англ. tribalism, от англ. tribe – племя) – форма общественно-политической племенной обособленности, выражающаяся в формировании органов государственной власти на основе родоплеменных связей. Одно из проявлений межплеменной вражды.

Наконец, *модернизационная модель социализации*, характерная для городской русскоязычной молодежи, среди которой выделяется малочисленная (менее 5–8%) группа выходцев из семей казахских интеллигентов второго и третьего поколения шала-казахов (“асфальтные казахи”). Они с детства, как в родной стихии, выросли в городской, в русско-европейской культуре, а русский язык чаще всего их родной и единственный. Будучи “продуктом” городской цивилизации, они восприимчивее к индивидуалистическому рыночному мироощущению с его опорой на собственную личность, а не родовые общинно-коллективистские или этатистские приоритеты. Преодолевая исходную маргинальность, инерцию кочевой ментальности, отсутствие традиций оседлой и индустриальной цивилизации, это новое поколение казахской молодежи в сотрудничестве со значительной частью славяно-европейских этносов более чувствительно к идеалам западной демократии, гуманизма, либерализма, интернационализма и общечеловеческих ценностей.

В этой связи – не с узкоэтнической, а с широкой универсально-цивилизационной точки зрения – *“обрусение”* означает не столько регресс или потерю этнокультурной идентичности, сколько цивилизационную развитость, интеграцию в западноевропейскую культуру свободной личности, покоящейся на классическом гуманистическом фундаменте античной культуры [Кабдаррахманов, 2005].

Опираясь на культурно-историческую типологию и многообразие социокультурного мира (концепции Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Э. Мейера и др.), относительная зрелость городской казахской молодежи объясняется тем, что полная трансформация и обновление культурно-психологических, цивилизационных и мировоззренческих ценностей, ориентиров и установок происходят медленно, лишь через три поколения.

По мнению ученых, известная формула А. Ахиезера о том, что Россия – расколотое общество, справедлив и для Казахстана [Амрекулов, Масанов, 1994: 89]. И здесь, раскол, так же как и в России, происходит по линии культурной перспективы развития: с одной стороны – традиционалистов, с другой – атлантистов (прозападников). Сторонники то одной, то другой линии попеременно берут верх во властных структурах, по-разному определяя вектор трансформационных процессов в Казахстане. Статистика опросов общественного мнения указывает на определенные прозападные ценностные ориентации молодежи столиц и крупных индустриальных центров, и протрадиционные – молодежи малых городов и села.

Отношения между традиционными и инновационными культурными образцами приобретают характер жесткой конкуренции, приводящей к вытеснению первых вторыми. В связи с насыщением социокультурного пространства новыми искусственными средами это приобщение подвергается трансформации. Социализация приобретает новый смысл – *формирование креативной личности, способной к творческой активности и самореализации в социуме*. Что проявляется через изменение соотношения между целенаправленными и стихийными формами социализации, передаче социокультурного опыта в недопустимо сжатых “дайджест-вариантах”, создание искусственных сред – новых реальностей, расширяющих привычные рамки жизнедеятельности молодых людей. Часть процесса культурной социализации проходит в пространствах иного типа, таких, как интерактивная полиморфная информационная среда, символические миры и виртуальная среда.

Культурная социализация молодого поколения связана не столько с его приспособлением к среде, сколько с *процессами организации и самоорганизации* [Тесленко, 2001]. Если организация предполагает упорядоченность социальной деятельности с помощью институционального механизма, то самоорганизация – процесс и результат саморефлексии, источник пробуждения инициативы, поиска новых идей и методов, средств и способов деятельности. Самоорганизация выступает как средство социальных инноваций, новый аспект социализации современной молодежи. И если модернизация общественной жизни будет набирать силу, увеличится и реальные

основания для объединения общества по мировоззренческому принципу, а тем самым и возможность культурной интеграции молодых поколений.

Культурная интеграция осуществляется посредством целого комплекса механизмов организации и самоорганизации, основные из которых, на наш взгляд: *традиционный* – через семью и микросоциальное окружение; *институциональный* – через образование и институты общества; *стилизированный* – через субкультуры; *межличностный* – через значимых лиц; *рефлексивный* – индивидуальное переживание и осознание.

Молодежь в постоянных противоречиях и поисках посредством проб и ошибок пытается сама определить адекватные времени приемы, тактики и стратегии социальной интеграции. А. Демидовым в рамках международного сравнительного исследования социокультурных стилей в Центральной и Восточной Европе были выделены и проанализированы пять основных жизненных стилей: “победители”, “новаторы”, “ретрограды”, “традиционалисты” и “истеблишмент” [Демидов, 1998]. Е. Омельченко рассматривает влияние постмодернизма на формирование новых молодежных стилей, проявляющихся на рынке труда, в образовании, в способе проведения досуга [Омельченко, 2002]. Так, например, стилевой анализ трудовых биографий молодых специалистов позволил автору выделить такие типы жизненных стратегий: движимые потребностью выжить, последовательные традиционалисты, подражатели, продвинутые новаторы. Рассматривая последние три стиля, исследователь выделяет образы, которые характеризуют жизненный стиль в целом: “карнегианцы”, “отцы семейств”, “геймеры”, “домашние хозяйки” [Омельченко, Флинн, 2000].

На базе описанных выше культурных моделей социализации и опираясь на предложенные подходы к выявлению жизненных стилей, мы попытались построить собственную модель социокультурных стилей казахстанской молодежи. Анализ накопленных эмпирических данных позволил получить четыре социотипа молодежи, различающихся между собой по: ценностным ориентациям, социальным ценностям, восприятию стандартов жизни, степени активности / пассивности жизненных установок. Социальные типы молодежи, условно обозначенные “отстающие”, “догоняющие”, “идущие” и “бегущие”, расположены на оси координат: активность – пассивность, потребление – достижение.

При операционализации мы исходили из следующих условий формирования жизненных стратегий:

1) *образование как фактор социальной мобильности*, шанс на получение определенных привилегий на рынке труда. Диплом о высшем образовании становится ценностью сам по себе, подчас не соотносясь с его качеством. Наличие вокруг этого символа различных теневых практик только подтверждает высокий престиж формального образования.

2) *возможность и готовность* индивида реализовать имеющийся потенциал и преодолеть барьеры: социальной позиции (статуса), уровня и качества формального образования (среднее и высшее), гендерных особенностей.

3) *характерные черты и стереотипы социального поведения*, присущие той или иной группе. Так, социальные инновации практикует “продвинутая” (назовем ее “бегущая”) молодежь. Это те молодые, которые наиболее адекватно включены в новые экономические, социальные и культурные условия современного Казахстана, в их практиках ярче всего проявляются инновационные стилевые качества, их жизненные стратегии можно рассматривать в качестве некоей идеальной, “позитивной” модели норм и ценностей будущего. Вместе с “идущими”, как правило, практикующими традиционные стили жизни, они формируют “полюса” ценностного континуума, внутри которого размещаются самые разнообразнейшие типы молодежных стилей жизни. Для меньшей абстрактности описания выделю еще и некий “средний” стиль, в котором в разной степени представлены черты инновационных и традиционных стилей жизни (“догоняющие”), а также стилевую группу, для которой характерны практики “вынужденного”

Формальный статус и стилевые особенности стратегии его реализации

Характеристики формального статуса	<i>Среднее образование, ограниченные ресурсы родительской семьи, низкооплачиваемая бюджетная работа или ее отсутствие</i>	<i>Среднее и высшее образование, ресурсы родительской семьи могут быть разные, низко- или среднеоплачиваемая работа (чаще бюджетная)</i>	<i>Чаще высшее образование, средне- и хорошооплачиваемая работа (небюджетная)</i>	<i>Высшее образование, хорошо- или среднеоплачиваемая работа, часто – на престижных и перспективных позициях (чаще внебюджетная)</i>
Характеристика группы	депривированная молодежь, стремящиеся сохранить имеющийся статус или обрести его, реже – вынужденные “отстать” (армия, рождение ребенка, завершение образования)	консервативно, конформистские настроенные, стремящиеся или вынужденные сохранить свой статус (армия, рождение ребенка, завершение образования)	стремящиеся чего-то достичь, честолюбивые люди, набирающие опыт	высоко амбициозные, независимые, мобильные, склонные ко всему новому и экспериментам молодые люди
Стратегии реализации потенциальных ресурсов статуса	отстающие	идущие	догоняющие	бегущие
Стили	“движимые” потребностью выжить	“последовательные” традиционалисты	подражатели	продвинутые новаторы

стиля жизни в силу ограниченности доступа к значимым ресурсам (материальная и социокультурная депривация), назовём их *“отстающие”*.

Итак, мы исходим из того, что *“отстающие”*, *“идущие”*, *“догоняющие”* и *“бегущие”*, – это четыре социотипа для кого-то вынужденной, а для кого-то сознательно практикуемой стратегии реализации формального статуса *“молодой человека”* (см. табл.). При этом можно говорить о количественной представленности каждой группы, несмотря на то, что границы между ними весьма подвижны. Измерение стилевых особенностей казахстанской молодежи в фокусе их формального статуса – это первое приближение к конструированию более дифференцированных стилей. Так, например, настоящая таблица показывает, что исключительно среднее или высшее образование, высокий или низкий заработок, бюджетные или небюджетные места работы характерны только для крайних групп, тогда как две средние оказываются по всем этим позициям смешанными.

Социокультурный анализ стратегий реализации потенциальных ресурсов молодежи показывает, что группы *“бегущих”* и *“догоняющих”* отличаются от *“отстающих”* и *“идущих”* ярко выраженными стилевыми особенностями, отражающими глубокую дифференциацию индивидуальных ценностей, характеризующих в конечном итоге модель социализации как объекта или субъекта социальной действительности. Кроме того, сами эти группы оказались также неоднородны.

Более точные стилевые образы, на наш взгляд, можно найти, двигаясь вдоль первоначально заложенных нами двух векторов: склонность к мобильности/стабильности и наличие/отсутствие высоких жизненных амбиций. Выбор этих ключевых факторов определяется не только их непосредственной связью с генеральной направленностью стратегии и тактики социальной интеграции: активное овладение социальным пространством или пассивное включение в имеющиеся ситуации. В этих векторах

достаточно ярко отражаются и другие стилеобразующие факторы: индивидуальный контекст успеха (личностного, профессионального, социального), а также приемлемые (доступные) способы его достижения в соответствии с иерархией базовых ценностей.

Преобладающая стратегия в Казахстане – “догоняющая”, отличающаяся, с одной стороны, стремлением к стабильности и постепенной, пошаговой реализации жизненных планов, с другой – наличием широких амбициозных планов в рамках традиционного мышления и ценностной ориентации. Предпочтительные рабочие места – бюджетные учреждения, гарантирующие определенные привилегии и предоставляющие шансы на доступ хотя и к ограниченному, но надежным ресурсам.

Напротив, молодые казахстанцы, четко формулирующие представления об успехе, осознанно артикулируют цели, которые перед собой ставят. Они имеют представление о своих шансах на доступ к необходимым ресурсам и о тех рисках, на которые идут, а также ограничениях и барьерах, которые предстоит преодолеть. Западные ценности, некий рациональный тип мышления и практик, демонстрируемый этой группой, позволяет прогнозировать, что прагматически ориентированные казахстанцы смогут плавно встроиться в структуры власти, бизнеса, масс-медиа и т.д., тогда как пока количественно равной им группе “отстающих” (движимых потребностью выжить) для этого недостает социального и символического ресурса.

Транзитное состояние социума дает прагматикам из групп “идущих”, “догоняющих” и особенно “бегущих” наилучшие возможности реализовать инициативность, мобильность, ориентацию на успех, поскольку социальные институты разбалансированы, нормы и практики социальных отношений гибричны. Стратегия прагматика – чуть ли не единственная оптимальная, т.к. подразумевает большую концентрацию на средствах достижения цели, нежели на самой цели (“инструментальный активизм”, по Н. Генову [Genov, 2001]). С учетом процессов, происходящих в мире, это означает высокую вероятность того, что новые поколения прагматиков будут вынуждены продолжить трансформации казахстанского общества в прозападном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амрекулов Н., Масанов М.* Казахстан между прошлым и будущим. Алма-Ата: МГП “Берен”, 1994.
- Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.* Современная российская молодежь: методология изучения // Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1999.
- Демидов А.М.* Социокультурные стили в Центральной и Восточной Европе // Социол. исслед. 1998. № 4.
- Кабдарахманов К.* Казахская урбанистическая идентичность // Мысль. 2005. № 5.
- Лалин Н.И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социол. исслед. 2000. № 7.
- Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М.: Прогресс. 1999.
- Омельченко Е.Л.* Стилевые стратегии занятости и их особенности // Социол. исслед. 2002. № 11.
- Омельченко Е., Флинн М.* Где найти на карте мира страну по имени “Запад”? // Другое поле. Социологические практики. Ульяновск: Изд-во Средневолжского научного центра, 2000.
- Тесленко А.Н.* Культурная социализация молодежи: казахстанская модель. Саратов; Астана, 2007.
- Тесленко А.Н.* Организация и самоорганизация молодежи в процессе социализации. Томск: Спектр, 2001.
- Шаханова Н.* Мир традиционной культуры казахов: этнографические очерки. Алма-Ата, 1998.
- Genov N.* Transition to Democracy and Nation-State in Eastern Europe // The Annals of the International Institute of Sociology. Vol. 7. Leiden: Brill Publ., 2001.